

№ 5

МАЙ 1940

ГОД ИЗДАНИЯ СЕМНАДЦАТЫЙ

Мурзилка

ЖУРНАЛ ДЛЯ ШКОЛЬНИКОВ МЛАДШИХ КЛАССОВ

ОРГАН ЦК ВЛКСМ
ДЕТИЗДАТ ЦК ВЛКСМ

На обложке:
«ВОЗДУШНЫЕ ШАРЫ».
Рисунок Е. Афанасьевой.

УЛЬКЕР

Елена Благинина
Рисунки А. Брея

„Улькер“ — по-узбекски „звезда“.

1

Какие подарки получила девочка Улькер ко дню рождения.

Сорок самых нежных кличек
Мама девочке дала.
Сорок тоненьких косичек
Ей искусно заплела.

И косички, точно змейки,
Так блестящи, так черны,
Из-под круглой тюбетейки
Побежали вдоль спины.

Двадцать раз (иль больше даже)
На базаре папа был.
Двадцать синеньких бумажек
За осла он уплатил.

Этот ослик из кормушки
Травку разную берет.
У него большие ушки,
Умный лоб и мягкий рот.

Очень бабушка спешила —
Шила девять дней подряд,
На десятый внучке сшила
Новый шелковый халат.

Он веселый-развеселый,
Точно улица весной,
Золотой, широкополый,
На подкладке расписной.

Завтра Май! И завтра дочке
Ровно восемь, говорят.
У нее тугие щечки,
Звонкий смех и ясный взгляд.

Улькер была счастлива, потому что ей ужасно нравился ослик. Халат тоже ей нравился, но все-таки не так. Ослика она все время гладила, целовала его в лоб и пела ему такую песенку:

— Правда ли ты, ослик,
Глупый, всех глупей?
Нет, неправда, ослик.
Ешь, мой милый, пей!
Вот ты и наелся,
Вот и напился.
Нет травы в кормушке,
Песня тоже вся.

2

Как Улькер поехала на первомайский праздник в город Самарканд.

Папа ослика стегает
Для острастки ремешком.
Ослик весело шагает,
А Улькер сидит на нем.
Гладит осликову шею,
Треплет за уши слегка.
Солнце гладит вместе с нею
Морду, шею и бока.
В теплом золоте халата
Солнце тает и дрожит.
И украшенный богато
Самарканд вдали лежит.

Улькер хотела было спеть какую-нибудь песенку, но в это время они въехали в город и вот что там увидели:

Сто водителей-пилотов
Подружились с синевой.
Сто поющих самолетов
Поднялись над головой.

Двести конских грив летящих
Растрепались на ветру.
Двести всадников блестящих
Пролетели на смотру.

И ползут в лучах спокойных
Триста танков броневых,
Триста пушек дальнобойных,
Триста кухонь полевых.

А потом пошла пехота —
Сапоги всё щёлк да щёлк!
Рота, рота, снова рота,
А за ними целый полк!

Трубачи надули губы
(Наплевать им на жару!),
Их серебряные трубы
Выпевают: ту-ру-ру...

А потом пошли колонны
Молодых и стариков,
И портреты, и знамена,
И гирлянды из флажков...

И Улькер не наглядится
На знамена, на цветы,
На приветливые лица,
На смеющиеся рты,

На халаты, на повязки,
На платки, на кружева...

Как от бабушкиной сказки,
Ходит кру́гом голова!

Наконец она сказала:
— Знаешь, папа, так и есть —
Я немножечко устала.
Не пойти ли нам поесть?

Папа ослика стегает
Для острастки ремешком.
Ослик медленно шагает
Притомившимся шажком.

3

Как папа, Улькер и ослик были в чайхане и что там произошло.

Осел привязанный стоит
В тени карагача́.
Он рад, что наконец-то сыт,
Что рядышком арык бежит,
Медлительно журча.

Улькер с отцом не у столов,
А на коврах сидят.
Давным-давно уже готов
Дымящийся, душистый плов,
Они его едят.

Прикончен золотистый рис.
Им чаю принесли.
Они наелись, напились
И, расплатившись, поднялись
И к ослику пошли.

В сквозной тени карагача
Зеленоватый свет.
В сквозной тени карагача
Арык струится бормоча,
Осла же нет как нет!

Увидев это, Улькер громко заплакала и потащила растерянного папу на улицу.

4

Как папа и Улькер искали беглеца и что из этого вышло.

Сколько глиняных дувалов
Осмотрели, обошли,
Сколько путаных кварталов
Пробежали — не нашли!

Сколько раз — не помнит даже! —
Папа пот со лба стирал:
„Неужели это кража?
Кто польстился, кто украл?“

Сколько раз Улькер садилась
На какой-нибудь порог.
Сердце маленькое билось:
„Вдруг взбесился, вдруг подох!“

Сколько встречных ни встречали,
Все качали головой:
— Не видали, — отвечали, —
Не встречался ослик твой!

В новом городе и старом —
Были всюду и везде,
Наконец прошлись базаром —
Нет нигде его, нигде!

Но на базаре Улькер увидела нечто очень интересное; она даже забыла на минутку о своем горе.

5

Что увидела Улькер на базаре.

Базар кружился распевая,
Толпа качалась и текла,
Как будто вышивка живая
На желтой глине расцвела.

Мешки с янтарной курагою,
Лотки с ореховой нугою,
Мука и перец, мед и мак,
Бараньи туши и табак,
И тюбетеек пышный сад,
И шум, и крик, и жирный чад.
Но вот толпа бежит куда-то...
Улькер, хватаясь на бегу
За край отцовского халата,
Вдруг видит, что она в кругу.
А в центре круга — сухопарый
И гибкий, как лоза, узбек.
Взмахнул он тюбетейкой старой,
Волшебный этот человек...

и показал такие чудеса, что Улькер совершенно забыла об ослике.

Десять плоских блюдец сразу
Он по воздуху метал.
Из кувшина, по приказу,
Водяной фонтан взлетал.
Раскаленное железо
Не ронял из ловких рук.
Ленту в ленточки изрезал,
А она срослася вдруг.
Медный шарик, круглый-круглый,
Сплющил пальцами в пятак.
Из его ладони смуглой
Вырастал багровый мак.
Он сказал старухе слово —
Та давай плясать скорей.
Он у ослика чужого
Вынул шарик из ноздрей.

Конечно, как только Улькер посмотрела на чужого ослика, она вспомнила про своего. Она опять заплакала и потащила папу на улицу.

6

Как папа и Улькер проходили мимо той самой чайханы, откуда сбежал ослик, и что из этого вышло.

Небо в розовых полосках
Стало желтым, точно медь.
Алый мак на крышах плоских
Начал медленно темнеть.

Флаги двигали краями
Еле-еле, как во сне.
Поскорей хотелось к маме,
Но вернулись к чайхане.

Вдруг Улькер остановилась —
Сердце прыгнуло в груди,
Сердце прыгнуло, забилось:
— Папа, папа, погляди!

Ослик в пестренькой попонке
Как стоял, так и стоит;
Прислонясь к стволу, в сторонке
Мальчуган какой-то спит.

И Улькер оторопело
Смотрит папе прямо в рот.
После медленно, несмело
К беглецу она идет.

Подошла... и вот в ладоши
Морду кроткую взяла:
— Не пропал ты, мой хороший,
Все равно тебя нашла!

Гладит осликову шею,
Треплет за уши слегка.
Папа гладит вместе с нею
Морду, шею и бока.

Вдруг Улькер как захохочет,
Как ногами застучит!
Спящий мальчик как подскочит:
— Что такое? Кто кричит?

Папа и Улькер засмеялись, а мальчик стал протирать глаза.

Какой разговор произошел между мальчиком, папой и Улькер.

Папа сказал:
— Уж не ты ли увел,
Мальчик, вот этого ослика днем? —
Мальчик смущенно плечами повел:
— Я захотел прокатиться на нем! —
Гневно тряхнула Улькер головой:
— Как прокатиться?! А разве он твой?—
Мальчик ответил:
— Да, был он моим,
Только пришлось распрощаться мне с ним.
Как ни просил я отца своего —
Все ж на базаре он продал его.
Ослик такой замечательный был!
Я его свежей петрушкой кормил,
Шерсть ему чистил, водил к арыку,
Ездил на нем по всему кишлаку.
Правда, отец себя после корил —
Новый халат за осла подарил... —
Мальчик уныло поник головой:
— Разве я спорю? Конечно, он твой!
Я прокатился, и только всего... —
Грустно взглянула Улькер на него:
— Хочешь, тебе я его подарю?
На вот, бери! Да бери, говорю!
Слышишь, бери и катайся на нем!
Папа, давай поскорее уйдем!
Папа ни слова Улькер не сказал,
За руку дочку усталую взял.
И, повернувшись, исчезли они...
Мальчик и ослик остались одни.

Мальчик несколько мгновений не мог притти в себя от неожиданности. Потом он вскочил на ослика и бросился за папой и Улькер.

Что сделал мальчик и чем кончилась вся эта история.

Обливаясь жарким пóтом,
Мальчик ослика пинал
И за ближним поворотом
Наших путников догнал.
Он сказал Улькер:
— Приятно
Было с осликом дружить,
Но возьми его обратно —
Без него могу прожить.
Ты возьми его на память
Иль к рожденью, например... —
И дрожащими руками
Поводок взяла Улькер
И сказала:
— Мы поделим:
Будет жить он по три дня
Или даже по неделям
У тебя и у меня. —
Отказался мальчик было,
Но Улькер свое взяла.
— Как зовут тебя? — спросила.
Он ответил: — Файзула.
А тебя?
— Улькер назвали.
Это мама назвала... —
В небе звезды засияли —
Значит, ночь уже пришла.

Поэтому папа усадил новых друзей на ослика, и ослик быстро-быстро побежал домой. Счастливая Улькер держалась за кушак Файзулы и пела:

— Мой серенький, мой ослик,
Люблю тебя, люблю,
И шерсть твою и хвостик.
Ой, ле-ля-ли, ой, лю!..

Н. Артюхова
Рисунки М. Михаэлис

КАМЕНЬ

— Ах, ты драться?

Вовка нагнулся и набрал полную пригоршню мелких камешков.

— Вот тебе! Вот тебе!

— Сережку бьют! Спасай Сережку! — закричал Петя и бросил в Вовку старой грязной рукавицей, подобранной около забора.

Сережа захохотал, вскочил на мусорный ящик и показал Вовке язык:

— Так тебе и нужно, жирафа длинная!

„Жирафой" дразнили Вовку девчонки в школе. Но чтобы Сергей, его лучший друг... У Вовки потемнело в глазах.

Он поднял с земли большой камень, обломок кирпича, и изо всей силы бросил его в кривляющегося на ящике Сережу. Тот ловко присел, камень просвистел над его головой и упал на соседнем дворе. За забором раздалось коротенькое „ай!", потом послышался детский плач и крик: „Мама!"

Сергей заглянул через забор и спрыгнул с ящика.

— Голову девчонке прошиб. К матери побежала. Тикай, ребята!

Сергей и Петя убежали.

Первым движением Вовки было удирать. Он даже сделал несколько шагов к дому, но остановился.

„Прошиб голову девчонке..." Да, камень был тяжелый и острый.

Вовка прислушался. За забором стало очень тихо. Он влез на ящик и посмотрел на соседний двор.

Кучка желтого песка с натыканными в нее веточками, брошенный совок и ведерко... В стороне, на скамейке около двухэтажного деревянного дома сидела маленькая девочка, обхватив руками голову.

На белой шапочке — большое темное пятно.

Одним прыжком Вовка перемахнул через забор.

— А ну покажи, что у тебя с головой!

Она посмотрела на него снизу вверх заплаканными глазами, отняла руки от головы и испуганно всхлипнула, увидав кровь на своих ладонях.

Вовка осторожно приподнял шапку. На затылке была большая шишка, светлые волосенки слиплись от крови.

У Вовки задрожали руки.

— Вот что, малыш, — начал он, стараясь овладеть собой, — как тебя зовут?

— Наташа, — пропищала та.

— Вот что, Наташа: я тебя к твоей маме отведу. Она тебе головку обмоет и завяжет.

— Мама вернется только в пять часов, и папа тоже, — жалобно проговорила Наташа, — а бабушка ушла в кооператив. Я побежала домой, а потом вспомнила, что у нас никого дома нету... и уже больше не побежала...

Вовка огляделся кругом. Во дворе никого не было видно.

— Знаешь что? — сказал он. — Моей мамы тоже нет дома. Пойдем с тобой прямо в амбулаторию, это очень близко. Там тебе и промоют и завяжут... Платок у тебя есть?

Он вынул было свой, но сейчас же сунул его обратно.

Наташа протянула ему платок, Вовка вытер ей лицо и руки.

— Ну, пошли...

Наташа доверчиво вложила свою ручонку в его руку.

— Может быть, тебе трудно итти? Понести тебя? Тебя не тошнит? Голова не кружится?

Он вспомнил, что так спрашивала мама, когда он упал с сарая и ушиб себе голову.

— Не тошнит. Я пойду сама.

В амбулатории длинная очередь стояла перед окошком. Наташа оробела и сжала Вовкину руку.

— Здесь записываются на прием к хирургу? — спросил Вовка.

— Здесь. Стань, мальчик, в очередь.

Вовка подошел к окошку.

— Я попрошу записать ребенка вне очереди. Несчастный случай. У девочки пробита голова.

Стоявшие в очереди посмотрели на них, посторонились; сестра сунула Вовке билетик.

Они прошли по белому коридору и остановились около хирургического кабинета.

— Товарищи, эту девочку вне очереди на перевязку, — сказал Вовка сидевшим около двери.

— Следующий! — сказала сестра.

Вовка подтолкнул Наташу, они вошли.

У раковины стояла высокая тетя в белом халате и мыла руки.

— Что у тебя, мальчик? — спросила она.

— Хирургический случай, — сказал Вовка. — Девочке камень попал в голову. Очень много крови. Дома у нее никого нет, я привел прямо к вам.

Сестра посадила девочку на стул, ловко подстригла волосы. Высокая тетя вытерла руки и стала трогать пальцами около ушибленного места:

— Здесь больно? А здесь больно? А так?

Наташа молчала.

— И здесь, девочка, не больно?

То же молчание. Вовка увидел, что углы губ у Наташи дрожат и опускаются все ниже и ниже.

— Ей больно, — сказал он, — только она терпит. Ведь тебе больно, Наташа?

— Оч-чень больно, — прошептала девочка сквозь стиснутые зубы.

— Ах ты, героиня какая! — улыбнулась докторша. — Ты говори, если больно, я же мучить тебя не хочу.

Сестра забинтовала кругом.

— Рвоты не было? Голова не кружилась? — спрашивала докторша.

— Нет, — ответил Вовка солидно: — ее не тошнило, сотрясения мозга нет.

Докторша опять улыбнулась и стала что-то быстро писать у себя в большой разлинованной тетради.

— Сестренка твоя? — спросила она.

— Соседка. У нее дома никого не было, я и привел.

— Мама придет в пять часов, — прошептала Наташа чуть слышно, — и бабушка ушла...

— Так ты, соседушка, — сказала докторша, — отведи ее домой и скажи ее маме, чтобы дня два ее в кровати подержали. После выходного пусть приведут на перевязку. Если будет тошнота или голова сильно будет болеть, обязательно пусть покажут невропатологу. Да ты знаешь, кто такой невропатолог?

— Конечно, знаю, — обиженно ответил Вовка. — Который нервы лечит.

— Ну, прощайте, ребятки!.. Молодец, девочка! Герой! И сосед у тебя хороший.

Вовка опять взял Наташу за руку.

— До свидания!

Они вышли.

Когда они подходили к воротам Наташиного дома, из калитки выбежала женщина с испуганным лицом.

— Мама! — крикнула девочка, бросаясь к ней.

— Что это у тебя? Что у тебя с головой? Где ты была?

— В меня из-за забора камень попал, а этот мальчик водил меня к доктору.

Мама схватила Наташу на руки. Наташа уткнулась ей в плечо и расплакалась навзрыд, как будто она никогда и не бывала героем.

С другого конца двора к ним бежал Наташин папа, а из окна смотрела бабушка.

— Нашлась! Нашлась!

— Заходи, мальчик! Как тебя зовут? Спасибо тебе, голубчик!.. Заходи, расскажешь, что сказал доктор.

Наташу уложили на диван, Вовку усадили в кресло и расспрашивали наперебой.

— После выходного притти на перевязку. Если будет тошнить или голова очень болеть, показать невро... нерво... нервопатологу. Но это так, на всякий случай. А в общем — неопасно. Шишка большая и ссадина.

Папа похлопал Вовку по плечу:

— Спасибо, спасибо, товарищ Вова!

— Но как же это вышло? — спросила бабушка. — У нас такой тихий двор, ребят больших нет, всегда спокойно ее оставляю.

— Из-за забора бросили камень, а этот мальчик меня увидел.

— Поблагодари мальчика, детка, — сказала мама. — Смотри, какой добрый мальчик!

— Спасибо, Вова, — сказала Наташа.

У Вовки защекотало в носу.

— Вот ты, мама, все время на ребят нападаешь, — повернулся к бабушке папа, — ты говоришь, что ребята растут грубыми, хулиганят, дерутся. Вот перед тобой мальчик, школьник, пионер, который недаром носит красный галстук. Увидел девочку в беде, догадался, что нужно сделать, помог ей.

Бабушка покачала головой.

— Тот хулиган, который бросил в нее камень, тоже, небось, был с пионерским галстуком, — сказала она. — Удрал себе преспокойно и оставил бедную девочку всю в крови.

— Да будет вам! — вступилась мама. — Вечно спорят.

Вовка поднялся с кресла и стал прощаться, ни на кого не глядя. Лицо его пылало.

Его благодарили. Наташин папа приглашал его заходить, обещал показать интересные книжки.

Глаза девочки ласково блеснули из-под белых бинтов:

— Приходи, Вова!

Вовка вышел на улицу. Он шел медленно, засунув руки в карманы и опустив голову. В ушах его еще звучали сердитые слова бабушки: „Тот хулиган, который бросил в нее камень, тоже, небось, был с пионерским галстуком. Удрал себе преспокойно...“

Подойдя к своим воротам, он остановился. Постоял, поправил зажим на галстуке.

Нет, уйти так невозможно!

Вовка круто повернулся и снова зашагал к Наташиному дому. Целую минуту, а может быть и больше, простоял он около двери. Потом позвонил. Ему открыл папа.

— Товарищ Вова! Забыл что-нибудь?

Вовка вошел в переднюю.

В раскрытую дверь кухни он увидел, как

бабушка возится около примуса. Он откашлялся и заговорил не своим каким-то, тонким и хриплым голосом:

— Скажите ей, — он показал в сторону кухни, — скажите ей, что камень через забор бросил я... нечаянно попал в вашу Наташу...— Голос его сорвался.

Вовка метнулся к двери, чувствуя, что слезы близко. Папа остановил его за плечи, повернул к себе лицом и крепко, по-мужски сжал ему руку.

А бабушка улыбнулась своему примусу, и даже из передней было видно, что лицо у нее стало совсем доброе.

В ЗОО

Сергей Михалков

Мы гостей сегодня ждем,
Чистим клетки, пыль метем.
Приходите,
Приходите,
Приходите к нам скорей!

ОПАРКЕ

Посмотрите,
Посмотрите,
Посмотрите на зверей.
Только помните одно:
Нас дразнить запрещено.

Сергей Михалков

МОЯ УЛИЦА

Это папа,
Это я,
Это улица моя.

В магазине, как весной,
Пахнет свежестью лесной.

К солнцу тянутся тюльпаны,
В кадках пальмы-великаны
К холодам приучены.

Выбрав видное местечко,
Продавец прибил дощечку:
„КАКТУСЫ ПОЛУЧЕНЫ".

Мы прошли по магазину
И наткнулись на корзину.
Почему стоят цветы
Без земли и без воды?

Не боится эта роза
Ни жары и ни мороза.
Не заманишь на ромашку
Ни пчелу и ни букашку.

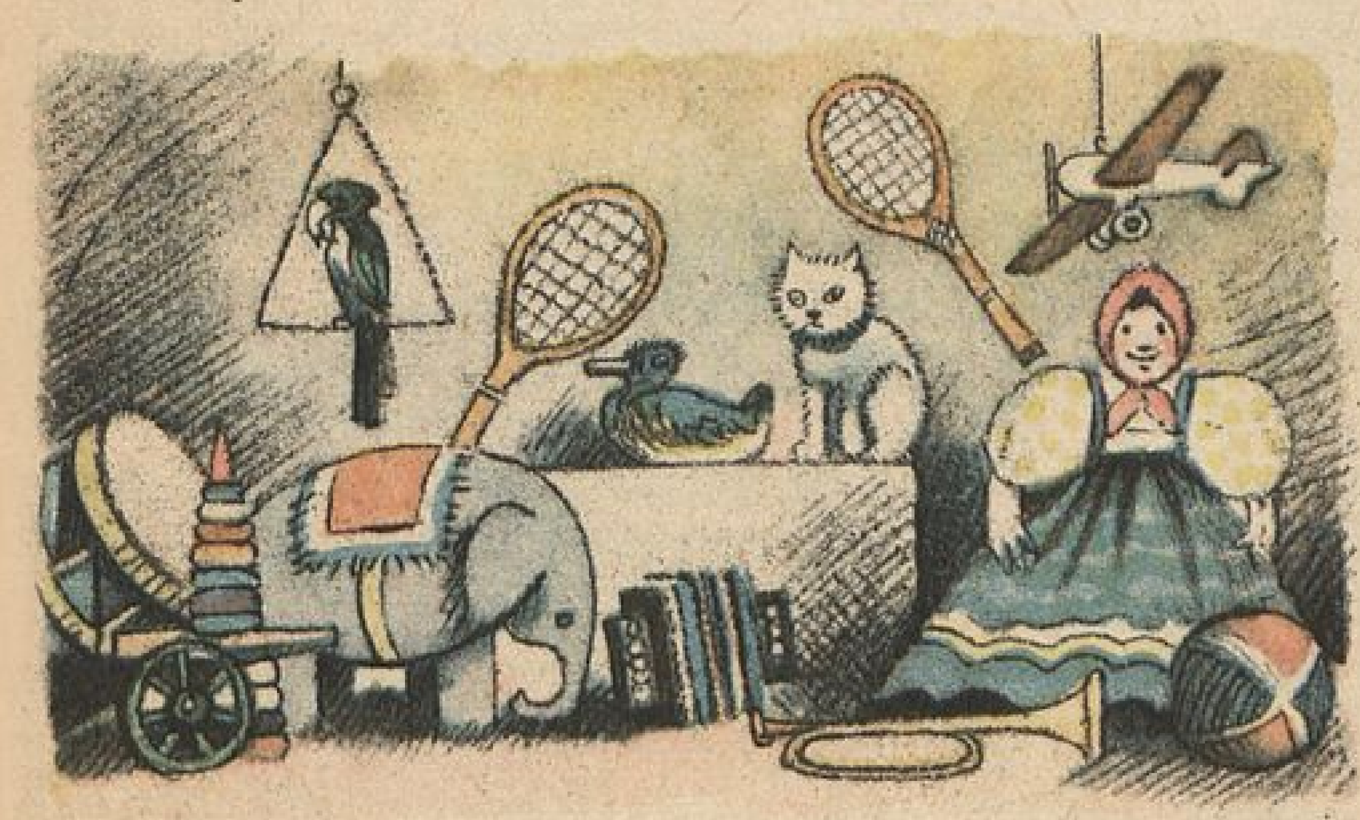
Не распустятся пионы —
Все бутоны из картона.

Мы решили с папой дружно:
— Нам таких цветов не нужно!
Лучше лютик полевой,
Но не мертвый, а живой.

———

А это —
Кафе „Лето“.
Как огромные цветы,
Из земли растут зонты.

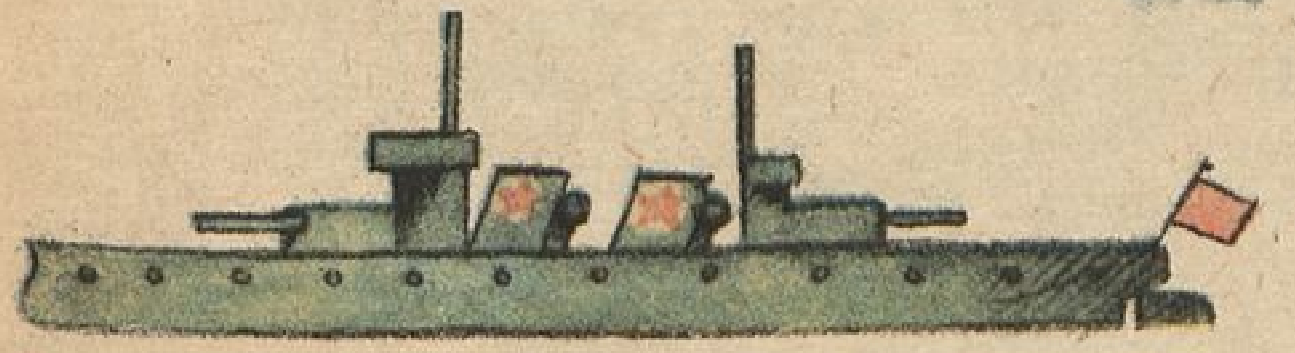
Мы спасаемся от зноя,
Мы садимся под зонтом,
Чтобы съесть мо-ро-же-ное
И пи-ро-жное потóм!

На углу Морской и Пушечной
Магазин открыт игрушечный.
Пушистые кошки,
Губные гармошки,
И утки,
И дудки,
И куклы-матрешки.

Кукла эта
Разодета.
Пусть она красавица —
Мне она не нравится!

Наконец среди игрушек
Показались дула пушек,
Огнестойкая броня,
В темный трюм закрыты люки.
Я беру эсминец в руки:
Вот игрушка для меня!

Здесь на посту
В любое время
Стоит веселый постовой
И управляет
Сразу всеми,
Кто перед ним на мостовой.

Никто на свете так не может
Одним движением руки
Остановить поток прохожих
И пропустить грузовики.

Мы простояли полчаса,
Смотря на эти чудеса.

———

А это дом,
Где мы живем:
Морская, двадцать пять.

А это наш
Седьмой этаж —
Нетрудно угадать.

Вот входит в дом,
Где мы живем,
Знакомый почтальон.
Мы скажем: „Здравствуйте,
Антон!“
„Привет!“ ответит он.

В квартиру пять
Письмо опять,
В квартиру семь — пакет,
В квартиру шесть
Открытка есть
И несколько газет.

А нам — журнал.
Я так и знал!

Вдруг потемнело все кругом,
Над нашим домом грянул гром,
В дверях подъездов, у ворот
Искать спасенья стал народ.
Но летний дождик проливной
Прошел сегодня стороной.

Вот пришли отец и сын,
Дома, раздеваются.
Руки мыть!
Цветы — в кувшин!
И стихи кончаются!

ПЕРВАЯ ГРОЗА

Михаил Пришвин

Рисунки Б. Винокурова

Грянул первый гром. Завозились в нашей большой луже лягушки до того сильно, что заволновалась вода. После этой первой грозы лягушки приплыли к берегу, высунули пучеглазые головы и принялись урчать. Среди множества этих лягушек была в нашей луже и лягушка-царевна, о которой по сказкам все знают. Осмотрев всех лягушек, я сразу же узнал среди них свою лягушку-царевну и стал с ней здороваться. Но она не узнала меня и, как только я к ней подошел, спряталась. Напрасно я ждал ее — она не хотела показываться. Огорченный, я отошел на несколько шагов, и, когда обернулся, царевна показалась.

«Не врет ли плутовка? — подумалось мне. — Наверно, узнала меня и только сделала вид».

Возвращаюсь назад, а там опять ее нет.

Теперь я отхожу назад меньше, чем в первый раз, оглядываюсь и она тут.

— Здравствуй, царевна!

— Прощай!

И нырнула.

Скоро я понял, как надо мне вести себя, чтобы приучить к себе царевну: надо только голову повернуть, будто собираешься уходить, — и она остается; а потом надо было только глаза отвести.

Наш терпеливый роман кончился тем, что царевна и я на близком расстоянии, она — выпучив глаза, я — вытаращив, безмолвно глядели друг на друга.

Этот теплый дождь с грозой расшевелил даже и ёжика, спавшего зиму в кусту под толстым слоем листвы. Ёж стал развертываться, а листва над ним подыматься. Раз я это видел своими глазами, и мне даже стало тогда немного и страш-

но: казалось, прелая листва сама поднимается.

Вот он наконец развернулся и мохнатую черную свою мордочку с черным собачьим носиком высунул. И только высунул, вдруг ветер шевельнул старыми дубовыми листьями, и вышло из этого шума явственное:

— Ёш-ш-ш-ш-ш! (Ёж!)

В одно мгновение ёж свернулся клубочком и сколько-то времени, сам серый, в листве лежал, таился. Когда же прошло довольно времени, он опять стал развертываться, но опять только-только поднялся на ноги и стал похож на маленькую свинку, вдруг сверху, из тех же сухих дубовых листочков, шепнуло:

— Ёж, куда ты идешь?

Так было несколько раз, пока ёж не привык к обыкновенному шуму сухих перезимовалых дубовых листиков. И когда ёж привык, то встал на ноги и очень решительно побежал прямо к тому месту, где стояла наша машина с домиком: мой дом на колесах. Тут, в недоступном для дождя месте, под машиной, на старой Аришиной кофте, спала наша собачка, спаниель Сват. Ёжик прибежал сюда, и так ему понравилась ватная Аришина кофта, что он на Свата не обратил никакого внимания. Быстро нашел он какую-то дырочку и полез в нее, а дырочка эта была началом рукава. Аришина рука была тонкая, рукав на конце узок. Ёж как долез до узкого — нет ему хода вперед; попробовал попятиться — назад не пускают колючки. Ёж стал возиться: то вперед двинется, то назад. И вот эту возню наконец-то понял Сват, почуял ежа и заревел:

— Ёж, куда ты идешь?

Разобрав, в чем дело, мы Аришину кофту перенесли в наш дом на колесах, рассчитывая, что следующей ночью ёж уложит гладко свои колючки и выпятится.

Так потом оно и вышло. По ночам ёж стал свободно выходить, и Аришина кофта стала любимым ежовым гнездом.

Не раз мы видели своими глазами, как ёж вылезает из своего гнезда в Аришиной кофте. И каждый раз, как мы это видим, мы спрашиваем:

— Ёж, ты куда идешь?

Рисунок
В. Константинова

А. Кардашова

ПРАЗДНИЧНОЕ УТРО

Звуки марша я услышал —
На балкон скорее вышел.
Вижу улицу свою,
Но домов не узнаю.

Вот знакомый белый дом.
Сколько лампочек на нем!
И на солнце все подряд
Незажженные горят.

К дому красные полотна
С двух сторон прибиты плотно,
И плакаты вдоль стены
Высоко укреплены.

Всё кругом не как всегда:
Не торопятся машины,
Не идет троллейбус длинный
И спокойны провода.

На асфальте светлосером
Ни соринки — чистота!
Наша улица пуста.
Только милиционеры
Цепью встали у моста.

Вдруг, дорогу открывая,
Разомкнулась цепь живая,
И по гладкой мостовой
С молодыми седоками
Кони, двигая боками,
Тесным строем проскакали,
Как в атаке фронтовой.

Затихает стук копыт,
Где-то музыка гремит.

Блещут трубы завитые,
Выступают трубачи,
И повсюду золотые
Разбегаются лучи.

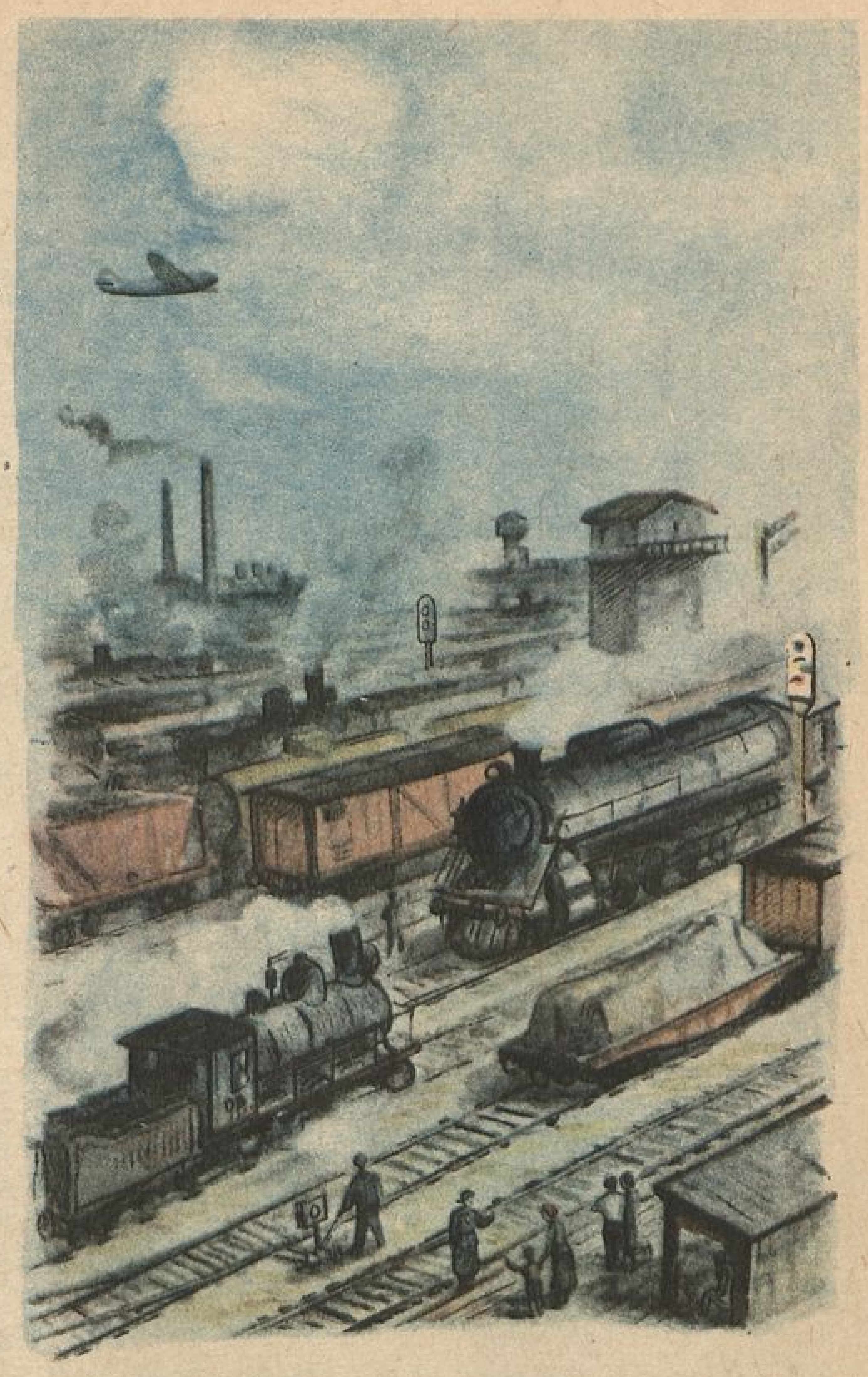
Дирижер спиной вперед
С белой палочкой идет.
Он уверенно шагает,
Он привык, не упадет.

Он поднимет руки выше —
Сразу трубы зазвучат.
Он пригнется — тише, тише...
Трубы стихнут, замолчат.

Вот уж близко, под балконом
Вьются по ветру знамена,
И на солнце, в ярком свете,
Высоко на полотне
Сталин на большом портрете
Приближается ко мне.

НАЧАЛЬНИК ДОРОГИ

А. Стоврацкий *Рисунки П. Кирпичева*

Я гуляю вдоль перрона,
Слышу песенку колес,
Вижу — катятся вагоны,
Пробегает паровоз.

Маневрируют составы
И торопятся пройти —
Кто налево, кто направо —
По запасному пути.

Машут сцепщики флажками,
Разливаются свистками,
И всегда глядит в упор
Красноглазый светофор.

Я смотрю и беспокоюсь:
Отправляться должен поезд —
Почему же нет звонка,
Почему же нет гудка?

Я ходил такой печальный,
Сам себе твердил не раз:
«Почему не я начальник
И не я даю приказ?»

Стрелочница услыхала
И сказала мне в ответ:
— Подрасти, сынок, сначала.
Может быть, и ты начальник
Будешь через двадцать лет.

Через двадцать? Это много!
Долго так никто не ждет.
И начальником дороги
Стал я ровно через год.

И не вру! А кто не верит,
Пусть придет и сам проверит,
Как под праздник Октября
Открывали мы дорогу,
Настоящую дорогу,
Пионерскую дорогу,
А ее начальник — я!

Общая тетрадь

ОКТЯБРЯТА

На парад,
На парад
Едет много
Октябрят.

Самый маленький
Отряд —
Два десятка
Октябрят.

На машине
Грузовой
Едут все
По мостовой.

Все товарищи,
Дружки,
И в руках у них
Флажки.

На парад,
На парад
Едет много
Октябрят.

Хорошие ребята —
Наши октябрята!

Сеня Клейнман. Киев.

Утром Первого мая папа сказал мне, что я пойду с ним на Красную площадь смотреть парад. Я очень обрадовался: я увижу товарища Сталина!

И вот мы на Красной площади. Часы на башне пробили десять. И в ту же минуту на красивом коне на площадь выехал маршал товарищ Ворошилов. А на мавзолей взошли товарищи Сталин, Молотов, Каганович, Калинин, Микоян. Первый раз я видел их так близко.

И тут начался парад. Шли командиры, красноармейцы, моряки ровными, красивыми рядами. Потом бесшумно на площадь выехали большие орудия, танки, танкетки, прожектора, а над площадью появилось много-много самолетов. Все было очень красиво.

Кончился парад, началась демонстрация. Потом мы пошли с папой домой.

Саша Васильцов. Москва.

По вечерам мы любим собираться в комнате дяди Гриши. Он рассказывает нам много интересного о своей работе на заводе и о прошлой жизни.

Рисунок Лии Семеновой, 8 лет. Омск.

Плохо жилось раньше, до революции. Праздники, которые мы празднуем сейчас, тогда были запрещены. Чтобы праздновать Первое мая, рабочие собирались тайком в лесу.

Однажды рассказал он, как рабочие, его товарищи по заводу, решили отпраздновать Первое мая. Они потихоньку собрались в Измайловском лесу, под Москвой. На лужайке, не доходя до леса, сел дядя Гриша с двумя товарищами. Он играл на баяне протяжные песни и внимательно смотрел по сторонам. В лесу началась маевка. Выступали рабочие, говорили о своей тяжелой жизни, о том, что нужно бороться с царской властью. Вдруг дядя Гриша увидел, что к ним идут подозрительные, чужие люди. Он сейчас же заиграл веселую плясовую — это был условный сигнал об опасности. Услышав его, рабочие стали расходиться в разные стороны. Когда сыщики пришли в лес, там никого уже не было. Сыщики остались в дураках.

Женя Гусаров. Москва.

Рисунок Жени Матвеевой, 7 лет. Ленинград.

Знаешь ли ты?

О. Писаржевский

СОЛНЦЕ — ПОМОЩНИК

Через реку Дон построили мост не совсем на месте. Его нужно было передвинуть на целых полметра.

— Готовый мост не передвинуть никакими силами — ни человеческими, ни лошадиными, ни машинными, — сказали строители. — Он слишком тяжел.

Тогда один молодой инженер сказал:

— Я передвину мост. Солнце мне поможет.

И вот он приступил к делу.

Ночью у самого края моста он смастерил крепкую опору. Другой конец моста остался свободным.

Днем солнце нагрело мост. От нагревания он стал расширяться. А так как опора с одной стороны не пускала его, он уперся в нее и сдвинулся с места.

Ночью стало холодно, мост сжался и от опоры отошел. Тогда инженер вбил между мостом и опорой клин.

Снова, когда солнце нагрело мост, он расширился, уперся в клин и отодвинулся.

И опять, когда мост ночью остыл и сжался, инженер забил между его краем и опорой еще один клин.

Так мост и двигался по пяти сантиметров в сутки и через десять дней стал на свое место.

А инженера премировали за то, что он догадался, как заставить солнце ему помочь.

ЧАСЫ И ЗАПАХИ

Одному ученому нужно было очень точно отсчитывать время. Простые часы для этого не годились. Он выписал себе самые точные часы, положил их в роскошный футляр и запер в шкаф, чтобы никто не мог их тронуть.

Однажды он заметил, что часы стали отставать.

Ученый рассердился и отправил на завод, который сделал для него часы, резкое письмо.

«Стыдно выпускать такие часы, которые только называются точными», написал он.

Директор завода прочитал письмо и не поверил своим глазам.

— Как! — воскликнул он. — Наши часы отстают? Не может быть!

Послали к ученому инженера.

Инженер приехал, проверил — да, действительно, отстают часы.

Кто же мог их испортить? Завод за них поручился. Никто их не ронял. Сам ученый старался на них не дышать — так он их берег.

А во всем был виноват деревянный футляр от часов из дорогого душистого дерева.

Запах проникал под крышку часов, в самый механизм. Там была жирная смазка, которой смазываются оси часовых колесиков, чтобы они лучше вертелись и меньше стирались. Жирная смазка впитала в себя запах дерева. Жир вообще жадно впитывает любые запахи. Впитывает их, например, тонкая пленка жира, которая всегда обволакивает каждый волосок у вас на голове. Поэтому по запаху волос легко догадаться, где вы были. Если вы были в сосновом лесу, волосы пахнут сосной. В накуренной комнате волосы легко пропитываются табачным запахом.

Примесь запаха очень невелика, но ее оказалось достаточно, чтобы сделать смазку более густой. А раз смазка загустела, колесикам часов стало труднее вертеться, часы стали отставать.

Когда инженер догадался об этом, он уехал очень довольный.

И директор и все его товарищи на заводе тоже обрадовались.

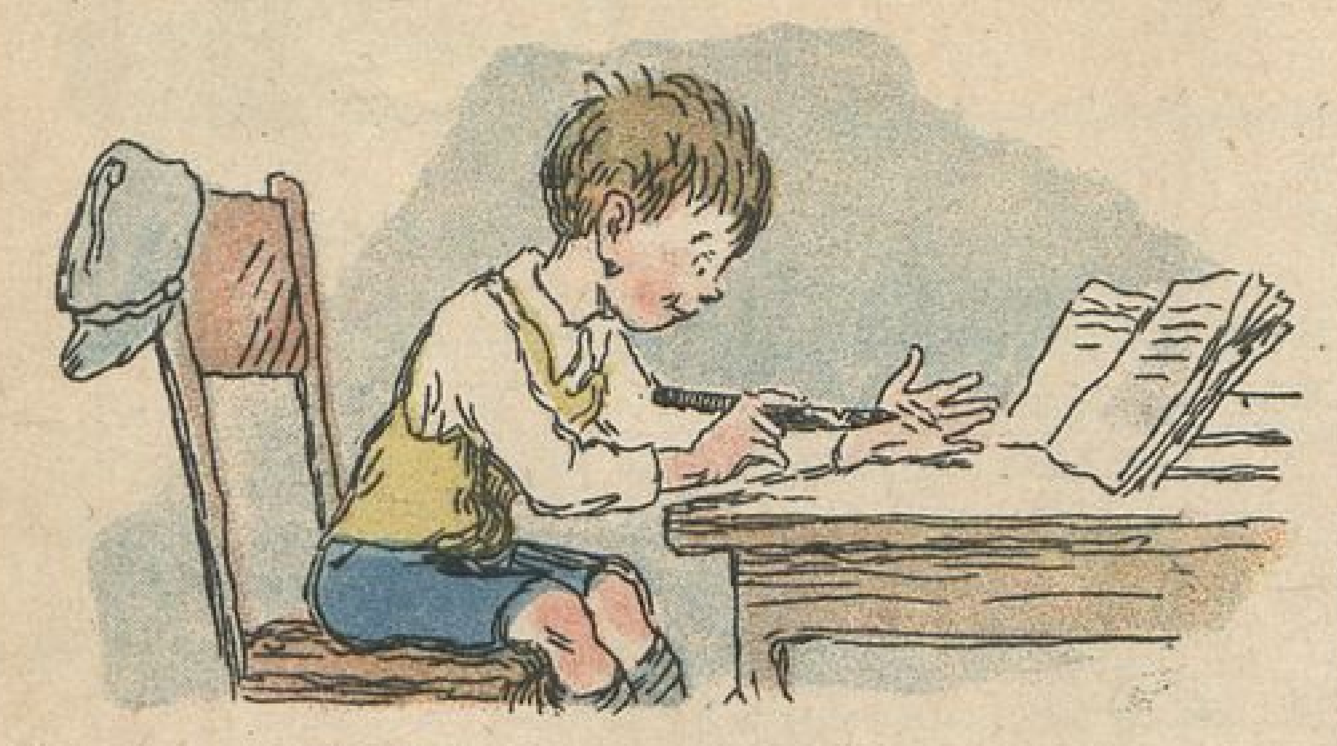
Часы оказались хорошими.

Надо их только беречь от сильных запахов, и они будут итти точно.

А для менее точных часов никакие запахи не страшны.

Цена 1 рубль

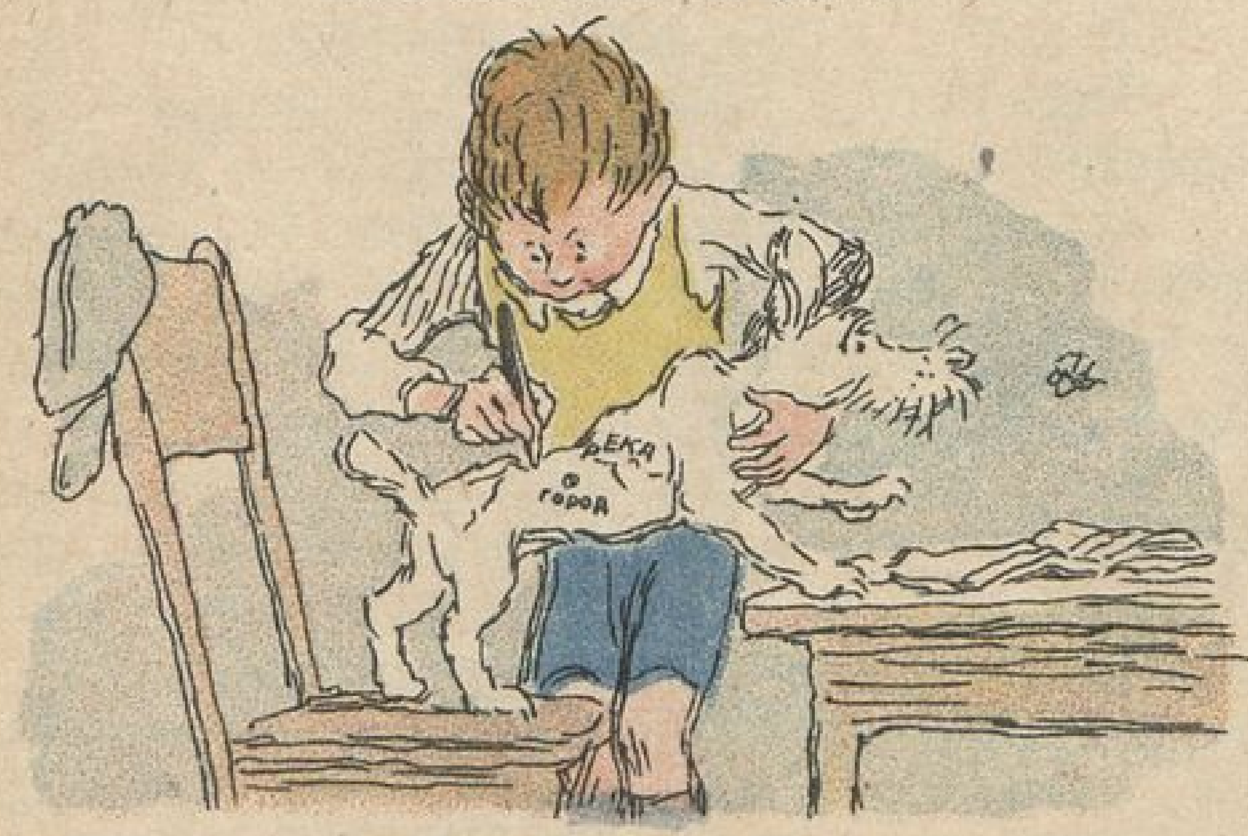
Н. Найденова | *Рисунки Ю. Узбякова.*

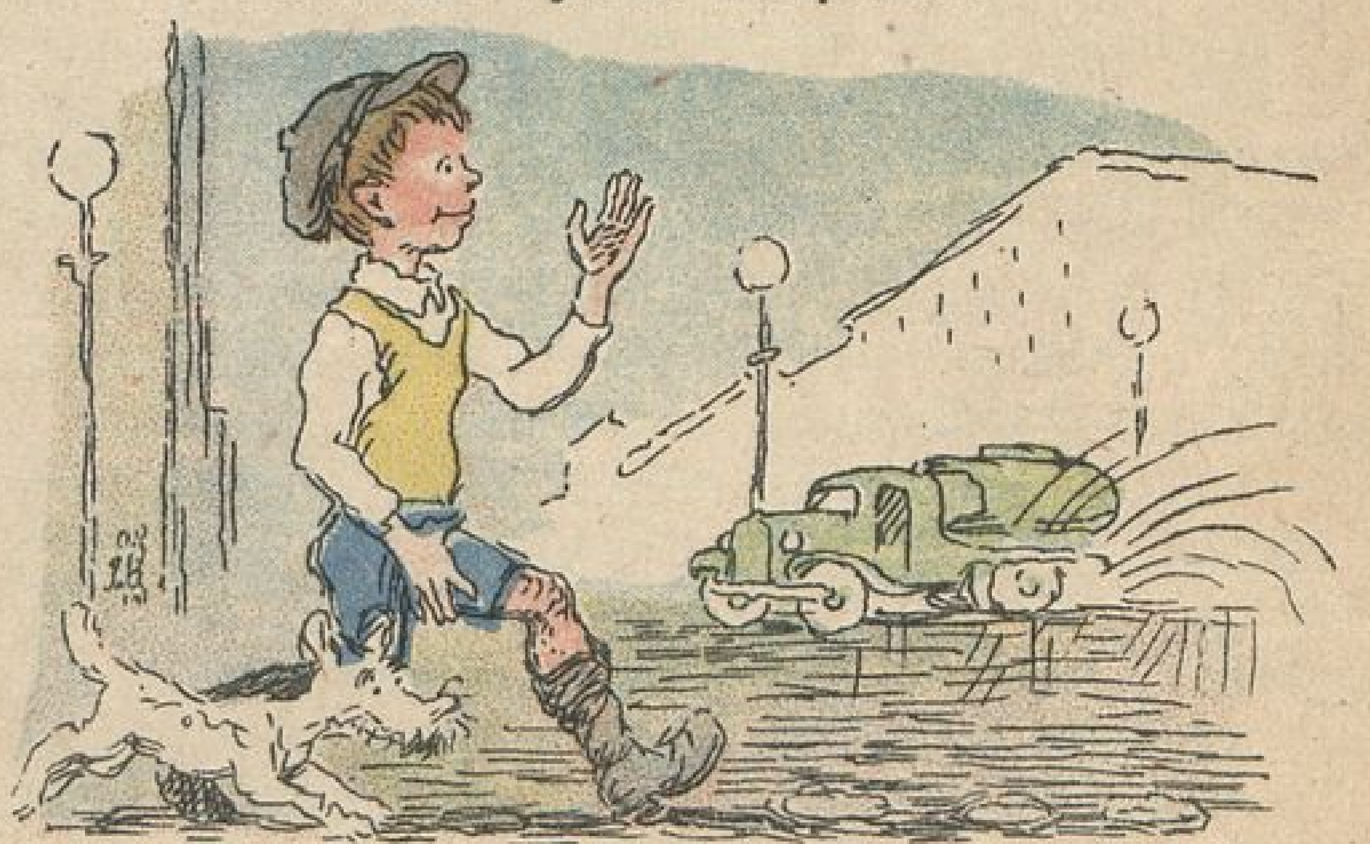
1. Если вызовут к доске,
Все глаголы на руке.

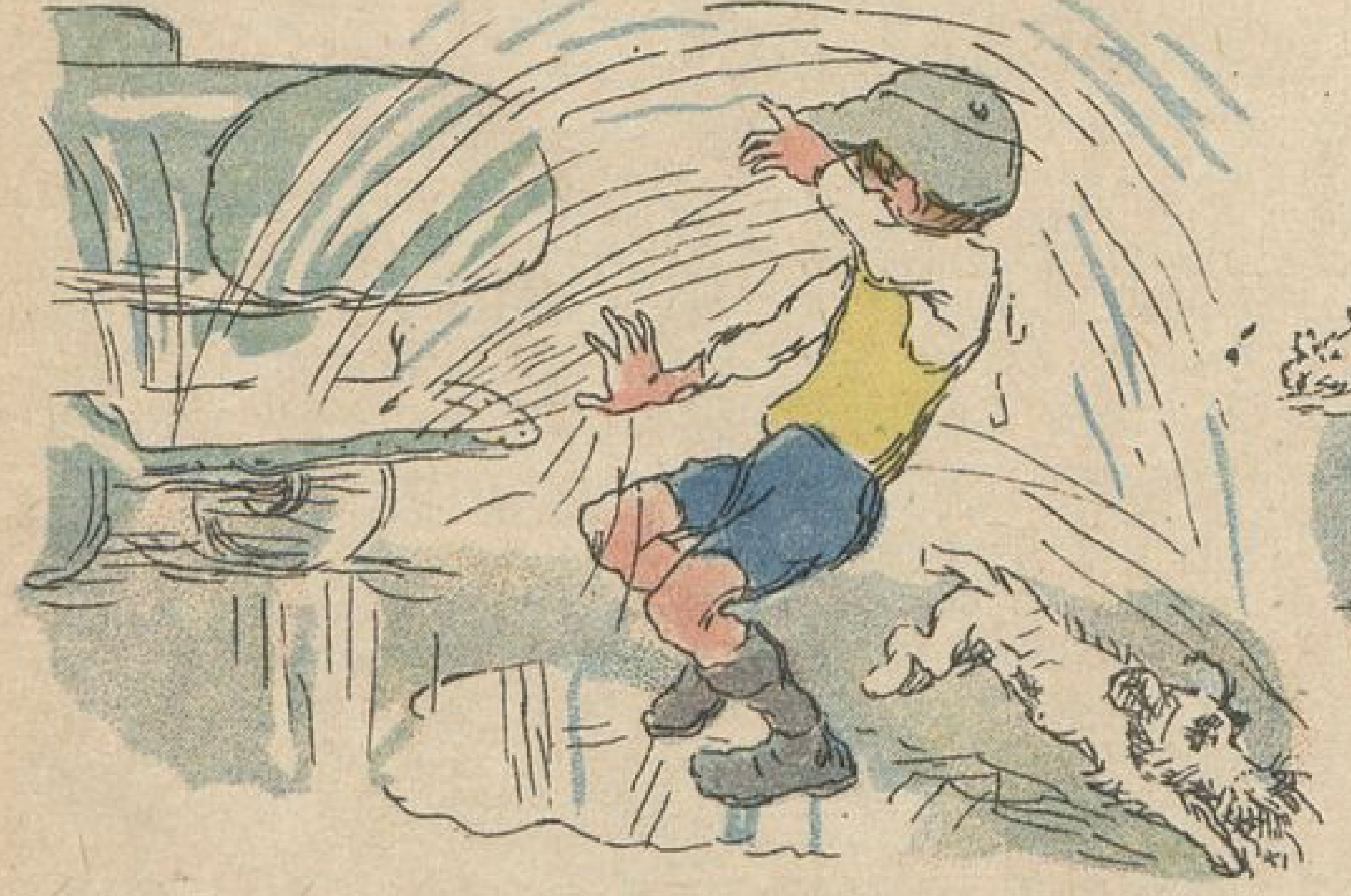

2. И коленок мне не жалко,
Если мне нужна шпаргалка.

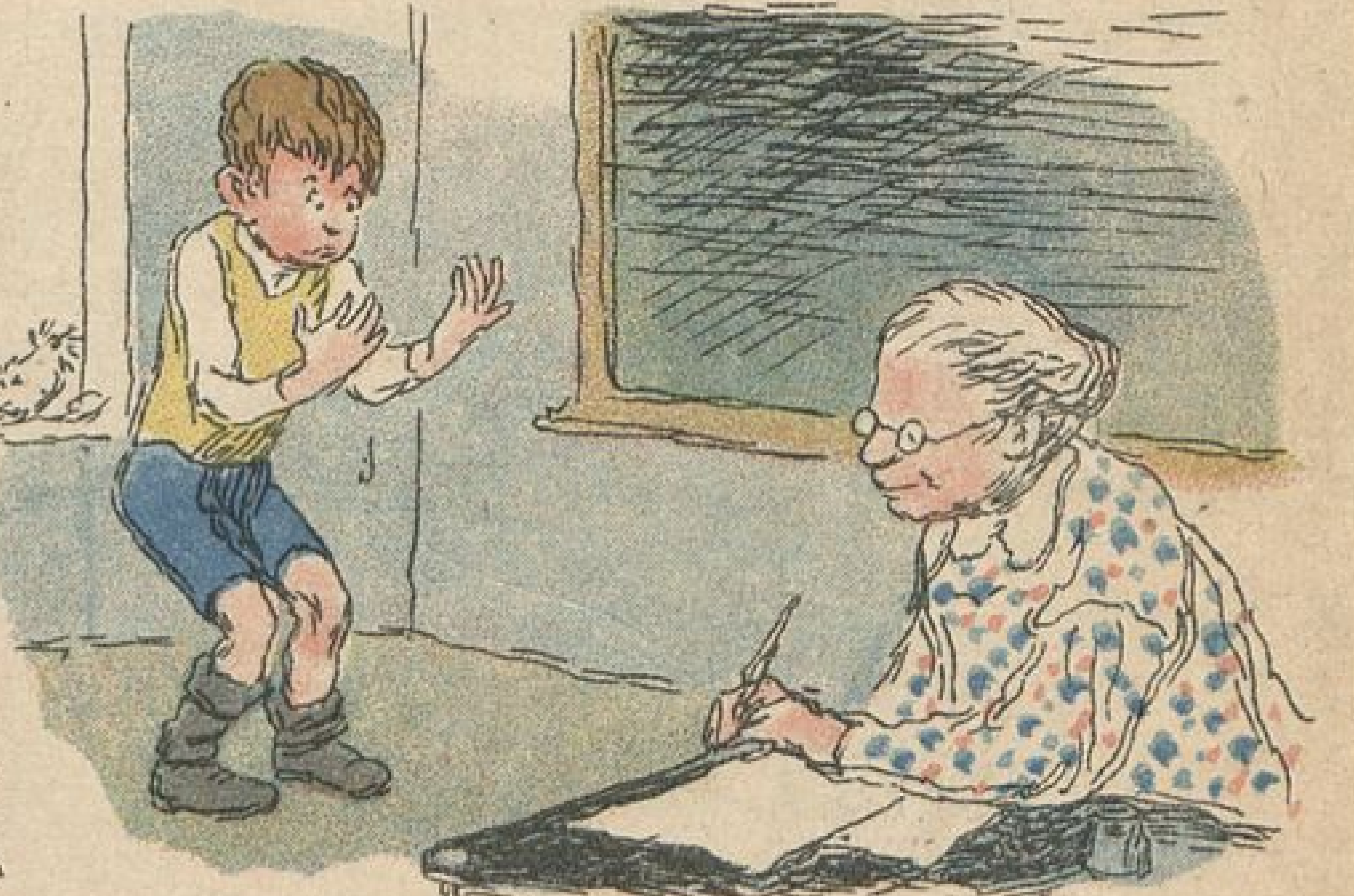

3. Города, озера, реки
Нарисую я на Джеке.

4. Вот и нечего бояться, —
Можно в школу отправляться.

5. Вдруг нежданная беда...

6. От шпаргалок ни следа!

Рукописи не возвращаются.

Адрес редакции: Москва, Чертольский пер., 4. Тел. К 4-97-22 и К 0-58-77.

Корректоры *З. Молодык* и *А. Сапелкина.*

Сдано в производство 27/IV 1940 г. Подписано к печати 10/VI 1940 г. Объем 2,5 печ. л. Ст.-форм. 93 × 120 1/8 листа.
Уполномоченный Главлита А-25302. Детиздат № 2662. Заказ № 729. Тираж 250 000.

Фабрика детской книги Изд-ва детской литературы ЦК ВЛКСМ. Москва, Сущевский вал, 49.